№32 1998

СВЕТЛАНА ГОЛЫШЕВА

ТЕНЬ ЛЮДВИГА

Вот она, тень лохматого цветка в сюртуке, а на самом деле знаете, чья? Моя; это тень меня, скрюченного пешехода по имени Д.Д., для вас - просто Д.А. - лохматый цветок, тень которого я отбрасываю, давно уже умер. В 1827 году под именем Людвиг. Хоть я и не верю, не подумайте, во все эти глупости про переселение душ. Если замышляешь убийство после своей смерти, не надо ни в кого переселяться: все равно убьешь, и обязательно изнутри. А Людвиг замышлял, я был его целью, это точно. Наверняка, он даже знал меня по имени. Не исключено еще, что я был его несчастной любовью. Я его ангел и химера. Послушайте Богатери. У меня есть ноты под подушкой. Убийство в этих жирных точках так и сквозит. Не только этих, впрочем, во всех, кроме разве измен всяким его женщинам; даже в Шестой симфонии Pastorale. Его не слышно только вот в Седьмой, но, наверно, потому, что я никогда ее не слушал целенаправленно: только в порядке очередности. День первый: Первая. День второй: Вторая. День третий: Третья Eroica. День четвертый: Четвертая. Пятый: Пятая Schicksals. Шестой: Шестая Pastorale. Седьмой: Седьмая.

Восьмой: Восьмая. Девятый: Девятая Хоральная. Девятидневная неделя без выходных. Выхожу только для того, чтобы отбросить тень. Выходной длится десять минут.

Выходной - это день, когда на уме одна грязь. Силуэт на булыжнике должен быть четок, нужно, чтобы свет правильно упал, а поиск такого положения очень волнует плоть. Под Симфонию Дня целуешь собственную руку.

Каков бывает поцелуй?

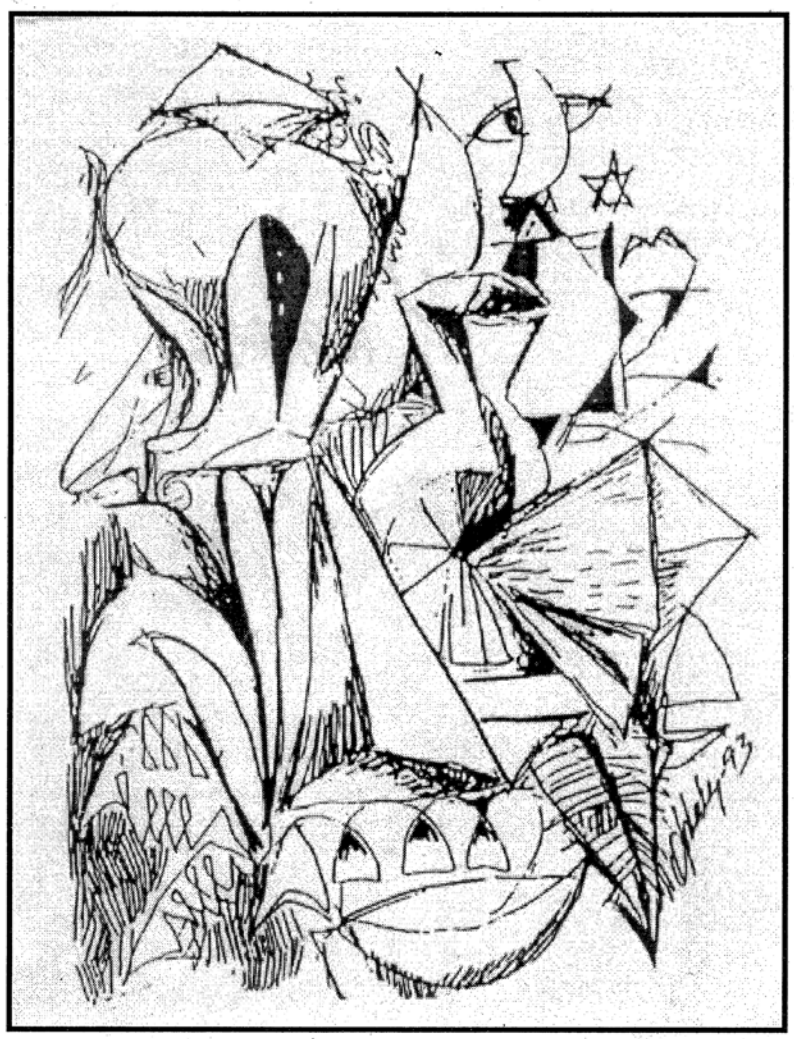
Их всего два. Один - ласковый и прохладный, как молоко, только отрывистое касание кончиком языка. Другой - почти что укус, оставляющий губы пикантно припухшими. После него грязи почти не остается. Конечно. Никакой грязи. Никаких больше велюровых ладоней с линией любви от Сатурна, никаких впадинок и бьющихся жилок на шее. Сегодня все для Третьей Eroica. Третий рейх Третьей Eroica. Пытки холодными смычками.

Скрипки. Убить бы всех флейтистов. Перерезать смычками. Сегодня нарисую план концлагеря для флейтистов, точнее, двух концлагерей: для женщин и для мужчин. Все женщины оденутся в лиловую шелковую униформу. На окна велю повесить кисейные занавески и пластмассовые вишенки, всюду вереск, Шанель, саше, опиумные курильни. У каждой будет шестнадцатилетняя горничная, поднимающая по утрам полог. Работа - шелест шелка. Пусть выходят и идут, шелестя, по кругу, пока одна не упадет замертво. Так ежедневно буду удалять из Третьей по одной флейте.

Флейта - женского рода, мужчин-флейтистов не бывает. Рисуем только один план.

Завтра. Сегодня серо, тени не получится. Утром разбудила ярость и тут же сменилась ощущением катастрофы. Не приведи боже выйти на улицу в пасмурный день: если тени нет, можно встретить самого Людвига. Я однажды в такой день видел его похороны. Он мне даже не улыбнулся. Чудовище. Как после этого не задергивать шторы наглухо. Это раз в месяц високосная неделя, день Десятой симфонии, и я, зажимая уши, уговариваю себя как idiot: "Я здоров, я здоров, я здоров, я здоров." Отвлекает только шум воды, а глупее звука не бывает. От него не оглохнешь. Был бы хоть один звук, который оглушает. Громкость ни при чем: в самой природе звука должны быть тишина, пустота, провал, отчаяние. А бывает только музыка, уж ее-то выдумал человек. Natura ничего не сочинила, чтобы увенчать существование Людвига. Ни одного звука.

Разве я не здоров? Видел себя в зеркале миллион раз: щеки приятно бледны, контур губ четок, глаза прозрачны, с Людвигом ни тени сходства. Тот слишком растрепан. Правда, ногти одинаково блестят. Но и это признак здоровья. Так что не хочу иметь с ним ничего общего. Не хватало еще быть гладким, как витрина, которая его прячет. На ней остаются отпечатки пальцев, это все портит, а знаете, сколько сил уходит на то, чтоб притворяться здоровым. Бледность? Белая пудра и снадобья. Четко очерченый рот, прекрасный немного мутен. Как у викторианских фиалок, которые, пережевывая моль тонкими лепестками, вкусно чавкают. Как у женщин. Белых женщин, мерцающих в темноте. ПОДИТЕ ПРОЧЬ, ДАМЫ. ПОСЛЕ. ЛЮДВИГ УЖЕ ВЫПИЛ ОТВАР МЯТЫ. И вот звездоточия жемчугов и холеные лапы вспархивают и, ропща, скрываются за толстыми облаками. Кумир - это облако. Руки от него холодные и влажные.



рот? Контурный карандаш. Ясность взгляда? Опиум. В подражание Людвигу не ношу парика, - вот и все, что во мне есть вызывающего. Но как мы с ним, сумрачным, замечательно смотримся в одной витрине! Просто самая эффектная пара за последнее тысячелетие.

ХОР ТЕМНЫХ ГОЛОСОВ ИСПОЛНЯЕТ ЛИТАНИИ САТАНЕ.

Я сижу в ложе, рядом - Королева на Девять Дней. Наши царственные руки сплетены. Месяц бел до синевы. Ветер над всем.

Жены. Их девять. По одной на круг. Каждая пишет музыку для Людвига. Пока одна пишет, остальные вяжут, потому что женщины обязательно должны заниматься рукоделием. И они благоуханны. И у каждой номер на левой груди. Первая жена носит на глазу черную повязку и пахнет лавандой. Вторая обрита налысо и пахнет ландышем. У третьей сосок под лопаткой, нежный, как колокольчик. Она пахнет ромашкой и мускатом. У четвертой сиреневый клык и тошнотворный запах пиона. А остальные пять одинаково темноглазы и прекрасны, и пахнут чем только пожелаешь. Впрочем, Людвиг добрый немец. Он желает только лилий. Женщины украшают ими постель, клозет и обеденный стол.

ПИСЬМО К ЛЮДВИГУ И ЕГО ЖЕНАМ. Одно.

Что ты, милый. А что еще делать? Разрыдаться? Одурманиться? Задохнуться от благоуханий? Нет, только гнить, гнить, гнить в пленительном замке твоего остроумия. Ах, эти слезы, всплески, сто зеркал. Каждый раз чаяния, иногда не напрасны. Иногда порезы о лезвие твоего изящества. Копоть и тошнота. Розовые дороги слез. В движениях так мало звериного, но взгляд немного мутен. Как у викторианских фиалок, которые, пережевывая моль тонкими лепестками, вкусно чавкают. Как у женщин. Белых женщин, мерцающих в темноте. ПОДИТЕ ПРОЧЬ, ДАМЫ. ПОСЛЕ. ЛЮДВИГ УЖЕ ВЫПИЛ ОТВАР МЯТЫ. И вот звездоточия жемчугов и холеные лапы вспархивают и, ропща, скрываются за толстыми облаками. Кумир - это облако. Руки от него холодные и влажные.

Солнца все больше, а тень все меньше. Жены собрались в саду и музицируют для Людвига. А Людвиг, конечно, Людвиг сегодня - это я. Сижу на веранде, взлохмаченный и насупленный, и пью кофе, оттопыривая мизинец. Женами я недоволен. Эти девки все делают назло, особенно вон та, которая фальшивит и гримасничает. Как мне жаль мою музыку, так жаль, что я закрываю лицо блюдцем. Но жены все равно разглядят мою хитрую ухмылку. Даже сквозь блюдце. Поэтому я мечтаю о паре крыльев, чтобы спрятать голову под одно из них.

ПИСЬМО К ЛЮДВИГУ И ЕГО ЖЕНАМ. Другое.

Еще. Людвиг сегодня как всегда. Постоянство Фауста. Мгновение само замирает от восхищения. И никого ни о чем не просить, просто вскинуть брови. Можете подавать это мгновенье к столу. Только накрыть крышкой: глаза у него выпученные. Все тебе, моя l:la, чтоб мне меньше досталось. Расплескать всю любовь веслами слов. Их потом можно продать, продают же викторианские монеты. Десять пенсов штука. А ты-то думаешь, мне ничего не остается. Каждое слово выверяется, чистится. Остается. И не только мне. И уж подавно - не только тебе. Хотя желтые водяные l:l:a - всегда были слишком хороши для Джейн Грей.

ОСТАЛОСЬ ДВА ЧАСА КРИКА ТЕМНЫМ ГОЛОСОМ.

ВОТ ТЕБЕ И МУЗЫКА СФЕР И ПОЛУСФЕР.

Отличное мясо. Бифштекс с кровью. Бифштекс удивительного изящества и обаяния. Его-то и принимал за Людвига. Или все это только мои выдумки: выдуманный бифштекс и выдуманный Людвиг. Вкусный бифштекс и вкусный Людвиг. Бифштекс с кровью и Людвиг с кровью. Тогда чья же это была тень? Такая черная, плоская и ужасающая. Как живая. И куда девался Людвиг?

Такой черный, плоский и ужасный. Как живой. И где бифштекс? Черный, плоский и ужасающий. Горелый. Что ж теперь делать? Голод назойлив, ужас сладостен. А бифштекс сожгли, как Орлеанскую Деву. А вместо ужаса - глупое сладострастие, прохлада губ и тепло скальпеля. Что же, придется сдохнуть от голода и бесстрашия, по-солдатски. И без симфоний, хоть одна из них и Eroica. Да есть ли вообще симфонии? Конечно, нет. Кому было их написать, как не Людвигу, а Людвига придумали. Только вот Eroica меня смущает. Она ведь точно есть. Она есть. Правда? Она ведь есть.

ПИСЬМО К ЛЮДВИГУ И ЕГО ЖЕНАМ. Лишнее.

В неделе семь дней и ни одной симфонии, а луна каждый месяц разваливается на четверти, но не тонет. Волхвы могут заблудиться. Или их убьют в пути. Тень Людвига в новолуние вырастает и скалится со стен, но уже не пугает, не пьянит, не ранит, не приносит благих вестей, не заслоняет фиолетовое небо в блестящей горошек, и прекращается любое биение. Все, что бьется, стиснуто. Остаются только солнечная тьма и северное зияние. И разноцветные клоуны на твердом снегу.

вы не прочитали здесь ни слова правды.
Ваш переводчик.